

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИТОБОЛЬЕ: МИКРОХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ РАФАЙЛОВСКОГО КУРГАНА

Публикуются материалы жилищ и кургана на окраине Рафайловского селища при одноименном городище, отражающие несколько эпизодов обитания населения раннего железного века на останце правобережной террасы р. Исети (Зауралье) в ее излучине, окруженном старичными озерами. Анализ планиграфии, стратиграфии и распределения находок показал, что самым поздним сооружением является курган с многоугольным рвом и двумя саргатскими захоронениями в центре, а также жертвоприношениями лошадей и телят, сопроводительным безынвентарным захоронением женщины во рву. Он датируется IV в. до н. э. по бронзовым наконечникам стрел и бусине. Частично курган перекрыл остатки двух двухкамерных слабо углубленных жилищ гороховской культуры, расположенных по дуге на северо-западной окраине останца и являющихся частью поселка, существовавшего в V в. до н. э. Позднее одно из них было перестроено в саргатский период обживания местности, но до возведения погребального комплекса. Жилище содержало в первичном заполнении кашинскую керамику с гребенчатым и шнуровым декором, указывающую на взаимодействие разнокультурного населения в начале IV в. до н. э. В рассматриваемых материалах видим подтверждение посменному обитанию носителей разных культурных традиций на выгодных, естественно защищенных участках местности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ранний железный век, саргатская, гороховская, кашинская культуры, Притоболье.*

The materials of dwellings and a kurgan at the outskirts of Rafaylovo settlement are published here. Site is localized at the right bank of the Iset' river (the Trans-Urals) among lakes on the terrace remainder. The archaeological data had reflected the several episodes of inhabitation at

this part of the country. The planigraphic, stratigraphic and special intrasite analysis had shown that last construction was kurgan with two burials on the area and polygonal ditch and accompanied woman burial into the ditch without any inventory. It's dating is IV century BC that basing on the bead and bronze heads of arrows. The kurgan superficies the remains of two dwellings of culture of Gorokhovo which are the part of settlement was existing near the lake at V century BC. Then one of the dwellings was reconstructed in the period of culture of Sargatka habitat, but before the burial complex building. This occupation layer consisted ceramic of culture of Kashino in the filling, that is argument of communication of the different cultures population in the beginning IV century BC. Author see confirmation to successive habitat of different cultural traditions creators at the advantageous and natural defended parts of the landscape in discussing materials.

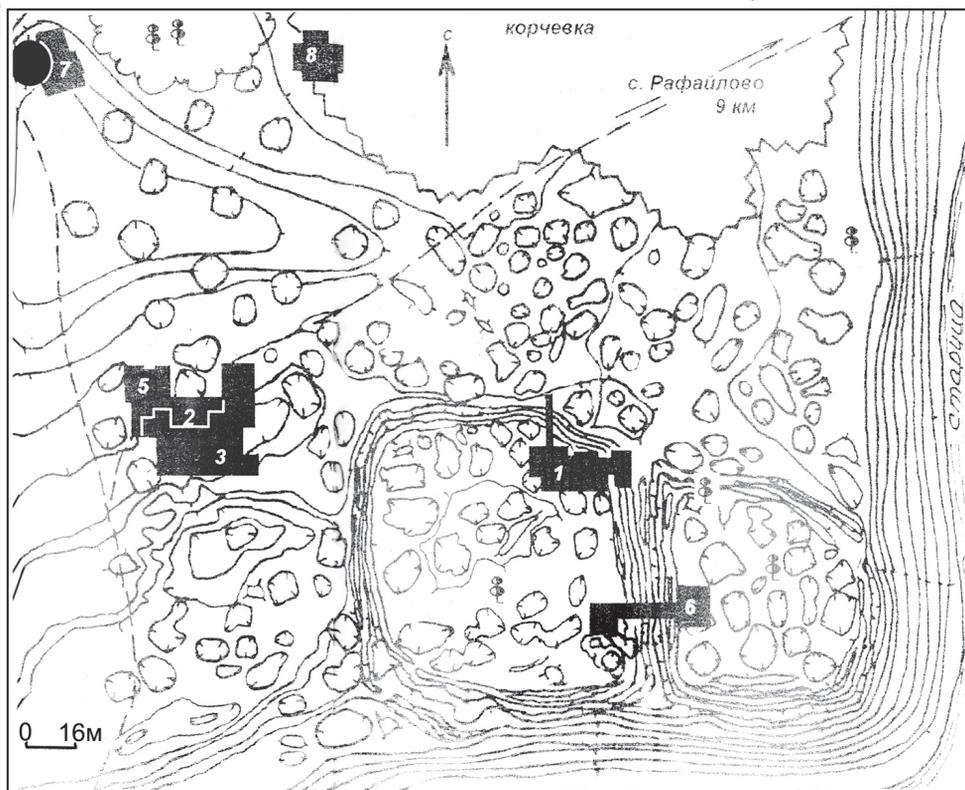
KEY WORDS: Early Iron age, cultures of Sargatka, Kashino, Gorokhovo, The Tobol-river valley.

Рафайловское городище — один из опорных объектов для изучения раннего железного века в северной части лесостепи. На фоне общего состояния изученности памятников данной эпохи в Западной Сибири, при которой характерными являются раскопки одного-двух жилищ на поселении, на нем не только вскрыта довольно большая площадь, но и проведены исследования на укрепленных площадках, фортификациях, в трех местах на селище, на кургане на его окраине, всего восемью раскопами, включающими 23 разновременных жилища и несколько погребений (см. рис. 1). Кроме того, заложен раскоп на отдельном «выселке» — Рафайловский остров [Матвеева, 1993а, с. 68–78]. Вместе с тем получена обширная серия радиоуглеродных датировок, определен палеозоологический материал. С точки зрения полноты исследования, Рафайловское городище можно сравнить только с Павлиновым городищем в Зауралье, изучавшимся позднее [Среда, культура... , 2009], однако памятник не был детально опубликован.

Рафайловское городище исследовалось полевыми работами автора в 1983–1987, 2002 гг., позднее использовалось в аспектах реконструкции домостроительства [Матвеева, 1993б], караванной торговли [Матвеева, 1997], обобщающих хронологических [Матвеева, 2017], палеоэкономических [Чикунова, 2006], архитектурных [Берлина, 2010] студиях и др. Спустя почти двадцать лет после раскопок трактовки его материалов усложняются, что видится естественным в связи с развитием методик и стремлением к разнообразию исследовательских подходов.

1

2

Рис. 1. Схема локализации Рафайловского городища на местности (1) и план расположения раскопов на нем (2)

В частности, на момент систематизации в кандидатской диссертации данных по раннему железному веку (1987 г.) и публикации находок и наблюдений в Притоболье не был решен вопрос о локальном своеобразии поселений саргатской культуры и о статусе памятников кашинского типа. Автор рассматривала кашинскую керамику как часть посуды саргатской культуры, поскольку, хотя кашинский тип и был выделен В. Д. Викторовой [1969], эпонимный комплекс был опубликован довольно поздно [Викторова, Кернер,

1988]. В целом представление о южно-таежных поселениях долго строилось на основе разведочных работ в бассейнах рек восточных склонов Урала — Туры, Пышмы и Тавды. Позднее, когда источниковый фонд увеличился и появились данные о своеобразии антропологического состава, гончарства и погребального обряда населения северной части Тоболо-Ишимья, исследователи начали рассматривать кашинское образование в ранге археологической культуры [Матвеева, 1994, с. 140–141; Чикунова, 2005].

Поскольку материалы Рафайловского городища, селища и кургана дали разнообразные наблюдения на этот счет, в том числе по микрохронологии объектов, целью публикации является анализ наиболее выразительного комплекса раскопа 7 на селище, сооружения которого состояли из кургана, насыпанного поверх двух заброшенных жилищ.

Памятник расположен на севере лесостепного Притоболья в Исетском районе Тюменской области, на правом берегу р. Исети. Он локализуется на останце второй надпойменной террасы, называемом «Остров», в 9 км к западу от д. Рафайлово (см. рис. 1, 1). Площадь его составляет около 60 тыс. кв. м. Она обживалась в разные периоды времени: энеолит, ранний железный век, Средневековье. При этом в раннем железном веке попеременно, а частью и синхронно население разных культур: баитовской, гороховской, саргатской, кашинской, использовало данную площадку.

Курган находился на северо-западной окраине поселения, у склона останца, где культурный слой выклинивается, судя по более светлому его цвету, чем в середине памятника, в колее проселочной дороги у его юго-западной полы (см. рис. 1, 2). Диаметр насыпи составлял 15 м, высота — 0,8 м. В рельефе поверхности близ кургана жилищных западин не было заметно, однако при раскопках 1985 г. они выявились. Поэтому первоначальный раскоп 7 круглой формы пришлось продолжать как прямоугольный в его восточной части для их исследования. Культурный слой представлен коричневыми и серыми песчаными прослойками с разной интенсивностью окраски, материк — желтый песок.

Селище

Жилище 9¹ (см. рис. 2), вероятно, было двухкамерным.

Камера 1 имеет прямоугольную со скругленными углами форму, ориентирована по линии С–Ю, размеры котлована — 5,7×4,2 м. Он углублен в материк незначительно, на 0,15–0,2 м. Выход Г-образной формы находился в середине юго-восточной стенки. Ширина — 1,1 м, общая длина — 2,5 м. В центре камеры на полу зафиксирована линза бурой супеси с прокалом мощностью 25 см, размером 1,4×1,2 м. В западной части камеры отмечены ямы № 3, 4 и 6. Последняя прорезает стенку жилища с юга. В середине северо-западной стенки описываемого помещения располагался переход в другую камеру, попорченный при сооружении насыпи кургана. Камера 2 в значительной мере разрушена вром, сохранились аморфные остатки котлована глубиной 0,3–0,35 м.

¹ Нумерация жилищ на селище общая для всех лет раскопок.

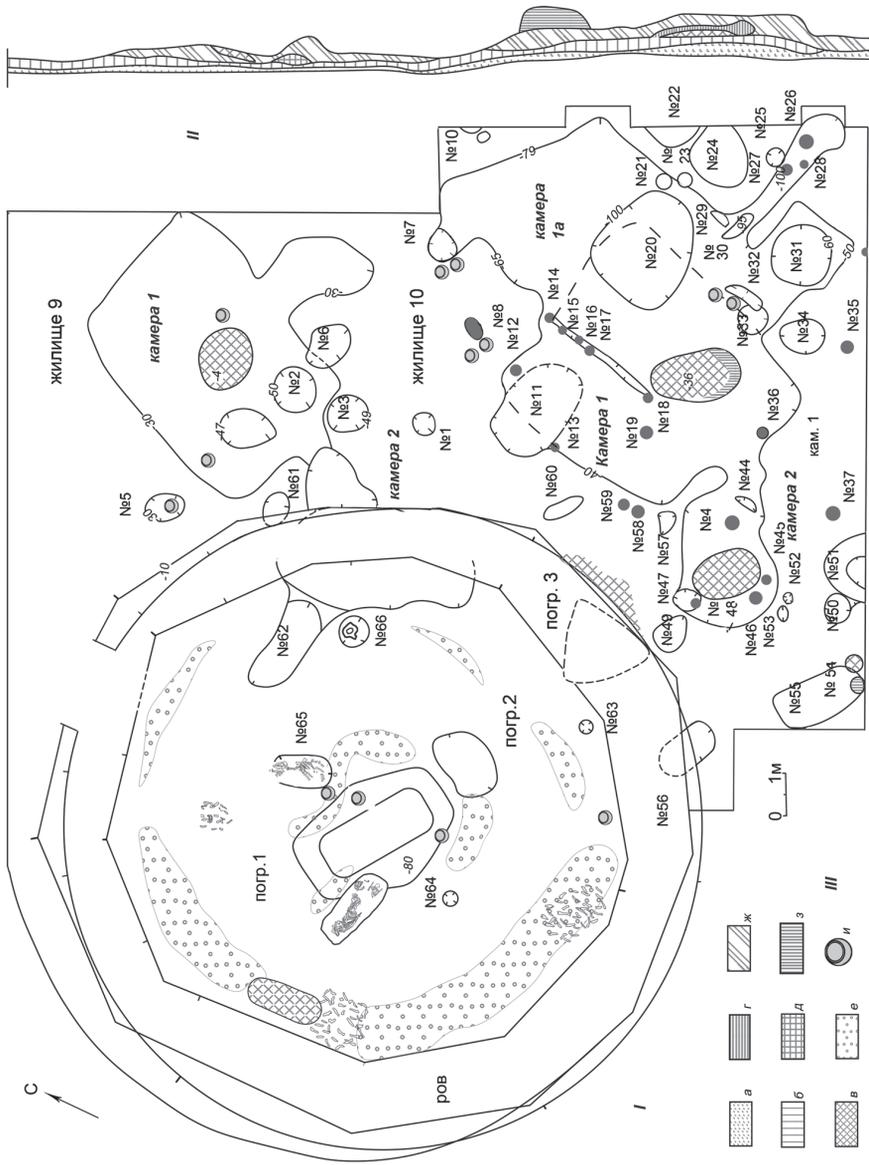

Рис. 2. План сооружений раскопа 7 (I), разрез жилищ 9 и 10 (II).

Условные обозначения (III): а — дерново-гумусный слой; б — светло-коричневый песок; в — кострище; г — желтовато-серый песок; д — черная сулея; е — выворс; ж — темно-коричневый песок с золой; з — провал; и — горшок

В заполнении жилища находок было мало — 35 единиц керамики, на уровне пола — 5 единиц, керамические скребки, черепки с тальком в тесте, точильный брусок (рис. 3). На межжилищном пространстве южнее жилища 9 обнаружены раздавленный гороховский сосуд и крупные обломки другой емкости (см. рис. 4, 2, 3).

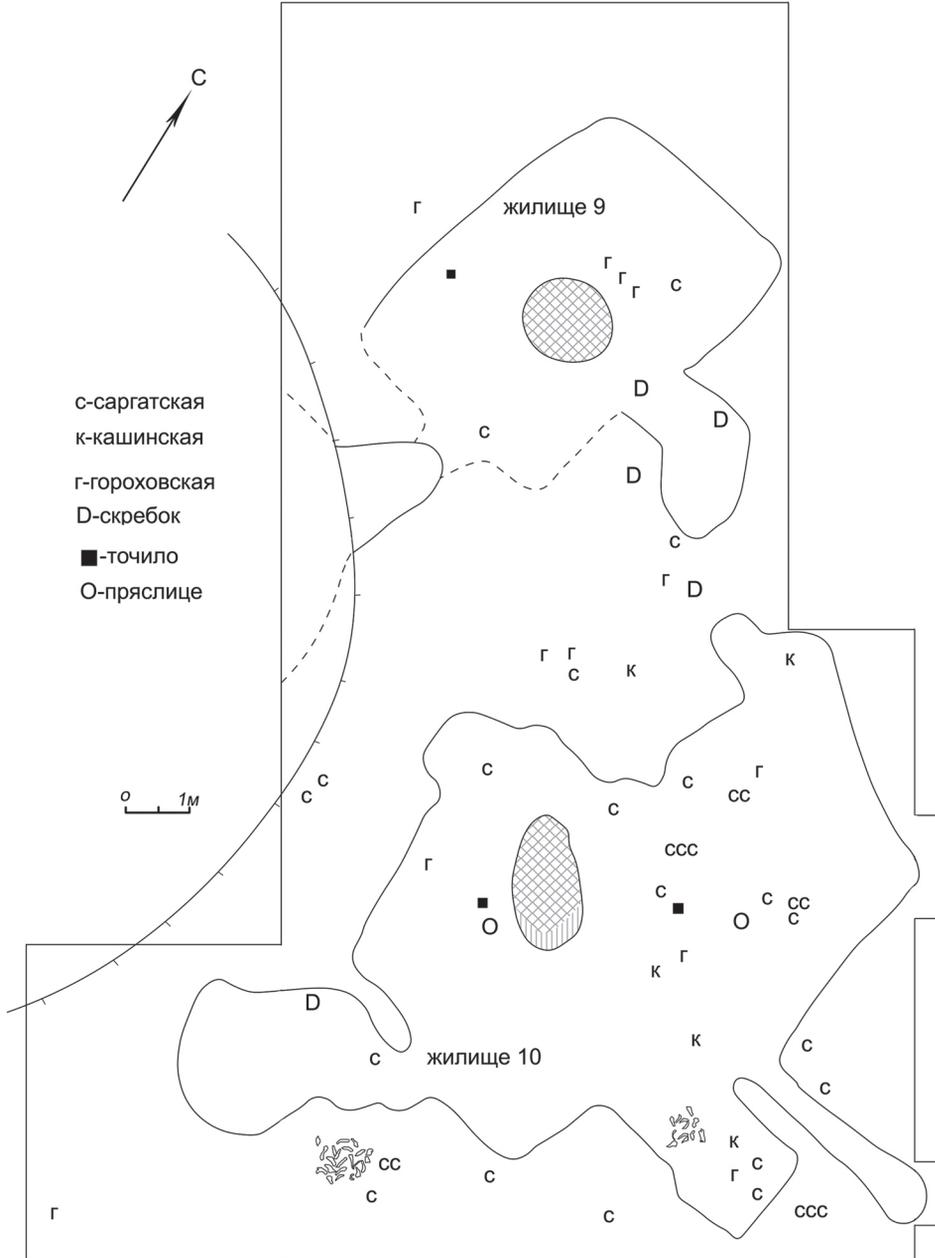

Рис. 3. Распределение керамики разных культур и находок в первичном заполнении жилищ 9 и 10

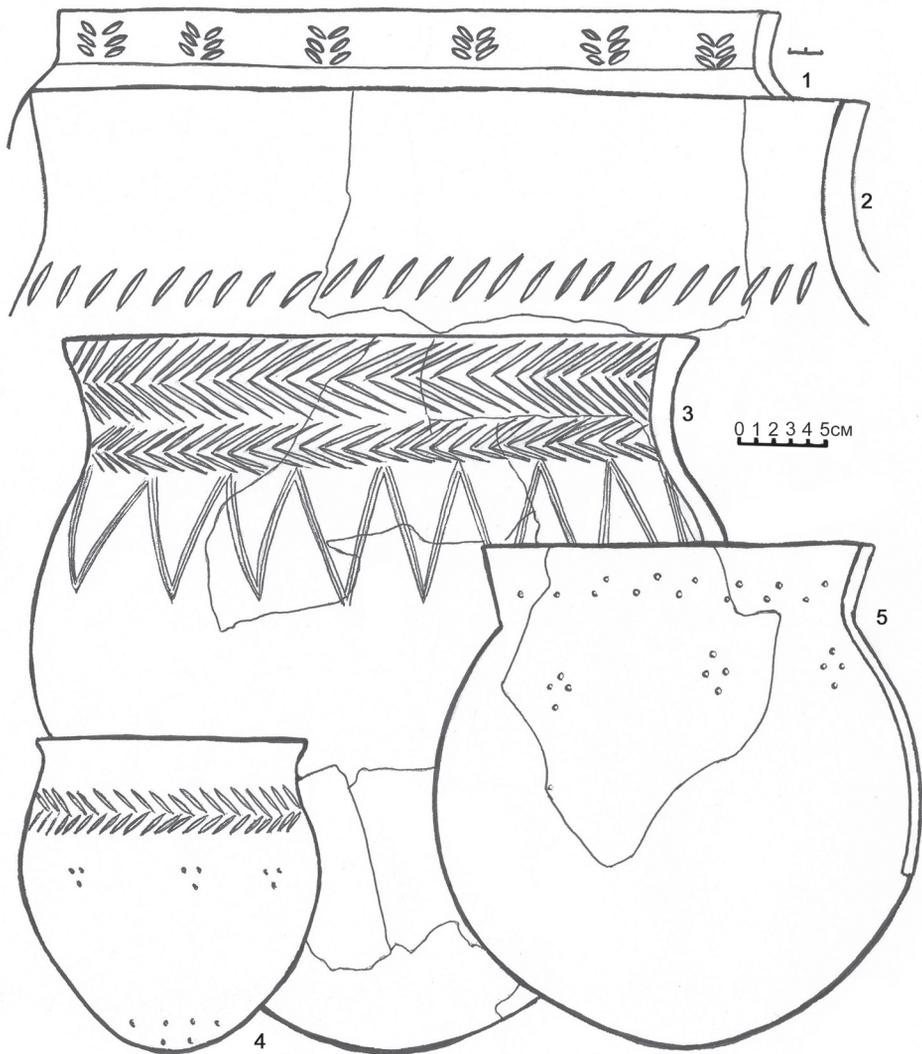

Рис. 4. Керамика из раскопа 7 на Рафайловском городище.
 1 — камера 1а жилища 10; 2–5 — на межжилищном пространстве
 между постройками 9 и 10

В целом постройка близка по размерам и пропорциям гороховским жилищам и отражает досаргаткий, как нам кажется, этап обитания на площадке Рафайловского селища. Незначительное число находок в культурном слое также характерно для гороховской культуры, отличающихся кратковременностью обитания на поселениях [Стоянов, 1977, с. 156].

Жилище 10 (см. рис. 2) представляет собой остатки разновременных строений, образовавшие двухкамерную полуземлянку, углубленную на 0,2–0,4 м от уровня материка. Камера 1 ориентирована по странам света, имела первоначально трапециевидную форму и размеры около 6×5,5 м с очагом в

середине. Вдоль стен котлована с западной стороны сохранились ямки от столбов каркаса № 12, 13, 58, 59.

Трудно определить: поверх старого разобранного построили другое или в процессе обитания к первоначальной постройке было добавлено с востока, вероятно, после того, как угол был разобран, еще одно помещение прямоугольной формы размером примерно 7×4 м, которую обозначим камера 1а. С западной стороны ей соответствовала бревенчатая стена в технике заплота, что документируется канавкой и ямками от столбов № 14–19, с восточной — границы котлована с ямками № 21, 23. На южном углу камеры 1а сделан квадратный пристрой, всю площадь которого занимала большая яма № 31 глубиной 0,95 м, что-то вроде подполья, поэтому предполагаем, что оно служило хозяйственным или гигиеническим целям. Узкая (0,4–0,6 м) и длинная (3,5 м) канавка, ведущая за пределы камеры 1а, расположена в юго-восточной стенке, поскольку в ней есть ямы от столбов № 26–28, то она могла служить основой какого-то навеса с наружной стороны жилища (см. рис. 2, I).

В северном углу жилища также имеется деформированный поздней ямой № 7 выступ, который мог являться выходом из камеры 1а. В середине помещения 1а зафиксированы обширная яма № 20 и яма № 11 от предшествующего периода обитания. Очаг овальной формы размером 2,2×1,2 м с каймой прокала мощностью 20 см, видимо, также относится к планировке камеры 1а, так как находится выше первичного заполнения котлована (см. рис. 2, II).

Камера 2 — небольшое помещение, приобретенное вследствие разрушения грушевидную форму, пристроено к южной стенке также через переход. Она ориентирована по странам света, размером около 3×2 м, глубиной 0,2 м. Большую часть ее площади занимают очажная линза размером 1,5×1 м, ямы от столбов — № 43–46, хозяйственная яма № 47. В нее ведет проход из камеры 1 через середину юго-западной стенки. Большой очаг у стен вряд ли мог использоваться из соображений пожарной опасности, поэтому предполагаем, что либо пристройка была открытым навесом, либо очаг возник после того, как жилище было заброшено.

Во вторичном заполнении жилища 10 сравнительно многочисленна саргатская и кашинская керамика (120 ед.), что свидетельствует в пользу относительно раннего возраста сооружения, в заплывший котлован которого попадал мусор от деятельности людей на соседних участках застройки. Кроме того, обнаружены оселок, пряслице, 2 развала сосудов (см. рис. 4, I). В первичном заполнении постройки из всех черепков 4 фрагмента были гороховскими, 3 — кашинскими, 15 — саргатскими (см. рис. 3). На полу жилища 10 также найдены 2 пряслица из гороховского черепка с обильными включениями талька (см. рис. 5, 4; 7, 2), каменные оселок и точильный брусок (см. рис. 5, 2, 3). Полагаем, что единичные гороховские находки связаны с первоначальным двухкамерным жилищем 10, сходным с жилищем 9 по форме и размерам.

На межжилищном пространстве толщина культурного слоя невелика — около 20 см, так как часть его была собрана на курганную насыпь, найден трехгранный наконечник стрелы из кости, 2 развала саргатских сосудов (см. рис. 4, 4, 5), 2 керамических скребка, ложило.

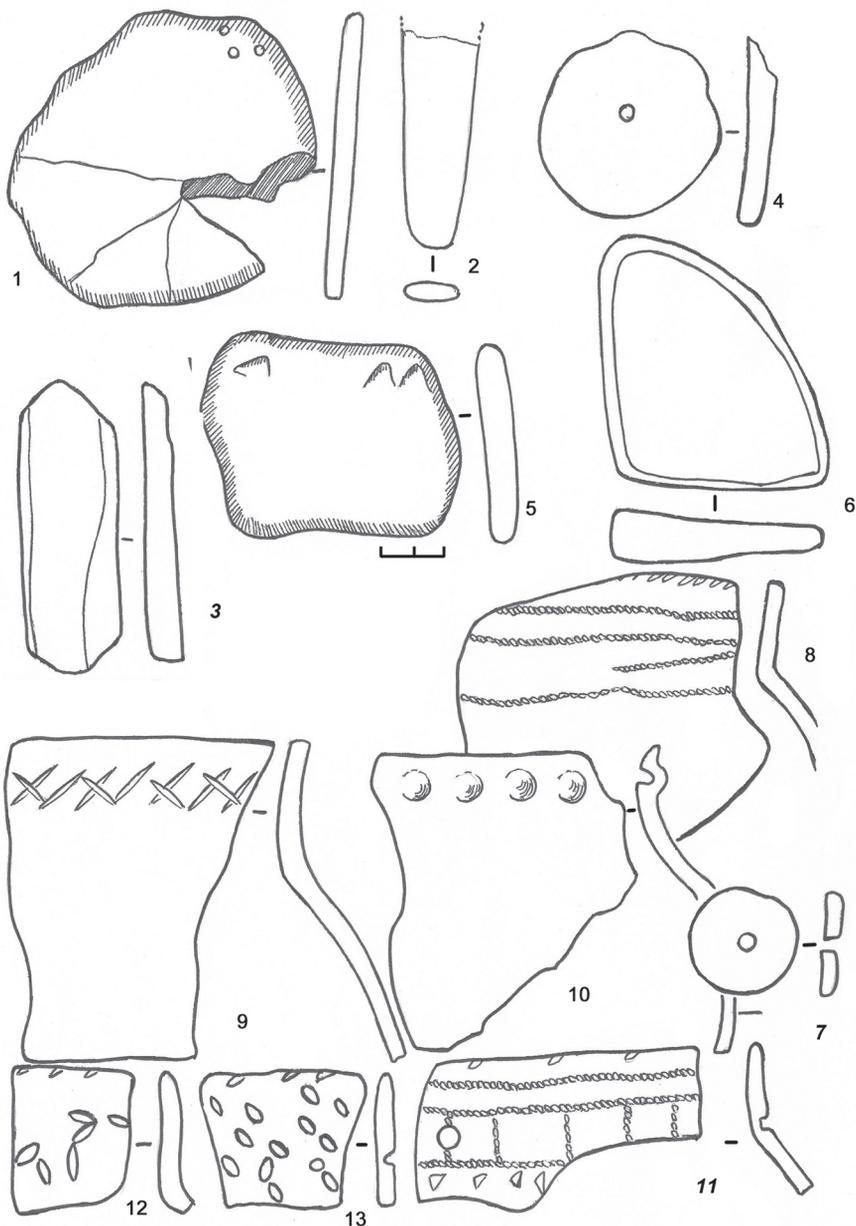

Рис. 5. Керамика и инвентарь из раскопа 7 на Рафайловском городище:
 1, 5, 13 — межжилищное пространство; 2, 6 — жилище 10; 3 — камера 1 жилища 10;
 4 — у очага жилища 10; 7-9, 11, 12 — камера 1а жилища 10; 10 — яма № 65
 на подкурганной площадке. 2, 3, 6 — камень; остальное — глина

Относительная хронология сооружений на поселении может быть представлена следующим образом. Жилища 9 и 10 существовали в досаргатское время и принадлежали гороховскому коллективу. Их планиграфическое соотношение указывает на то, что они располагались полукругом или кругом диаметром 15–20 м среди других построек, оставшихся не исследованными. Поскольку в 20 м западнее и северо-западнее раскопа отчетливо выражен уклон останца к воде, то на соседних участках с раскопом 7 могло разместиться не более 5–6 таких же сооружений. Поэтому считаем, что гороховские жилища с обсуждаемого участка селища представляли собой блок построек из 7–8 единиц, принадлежавших семейно-родственной группе или составлявших отдельное поселение на летнике. Они занимали северо-западную часть останца, обращенную к северной старице р. Исети, в отличие от позднее возникшего саргатского поселка, приуроченного к более полноводной южной старице (см. рис. 1, 2).

Потом жилище 10 было перестроено, очаг, зафиксированный не в полу, а в заполнении камеры 1а, эксплуатировался, видимо, в поздний период застройки участка. Находки представлены в основном саргатской керамикой, но в крупных обломках, имеются и кашинские черепки, что говорит о сосуществовании населения с разными керамическими традициями в данный период. Можно предположить, что кашинское только появилось, поэтому синкретичной керамики еще нет. Вывод о предшествовании раннего и перестроенного жилища 10 кургану делаем на основании планиграфических наблюдений: стена камеры 2 находится на расстоянии 1 м от рва кургана, стена камеры 1а — на расстоянии 4 м, жилые и погребальные конструкции на одном месте не могли использоваться одновременно. Кроме того, участок кромки полы кургана виден в разрезе поселенческого слоя между жилищами 9 и 10 (см. рис. 2, II) как некоторое превышение над заполнением котлованов, он состоит из песка светло-коричневого цвета, перекрывающего последние непосредственно под дерном, что указывает на относительно поздний характер насыпи.

Курган 1

Насыпь его была образована коричневой, серой и темно-серой супесью, в том числе грунтом из культурного слоя существовавшего ранее на этой площадке вышеописанного поселения. В ней встречены 190 черепков разновременной керамики, обломок лепного пряслица, грузило эпохи энеолита. Под насыпью находились две могильные ямы, а также захоронение во рву, скопления костей животных, соотносимые с погребениями. Они были окружены замкнутым многоугольным рвом (11-угольным). Его стороны разной длины: от 3,5 до 6 м, но один, восточный, отрезок — самый короткий, длина его — около 2,5 м, что может указывать, по нашему мнению, на существование здесь первоначально входа на подкурганную площадку, впоследствии скрытого по завершении похоронных ритуалов в кургане. Такие наблюдения были сделаны еще в ряде саргатских курганов [Матвеева, в печати]. Диаметр описанной окружности вокруг подкурганной площадки — 15 м, ширина — 1,3–1,7 м, глубина рва от уровня погребенной почвы составляет 0,75 м с юга и 1,2 м в других местах. Выброс из него в виде разомкнутого валика песка шириной около 1 м, высотой 0,2–0,3 м уложен с внутренней стороны.

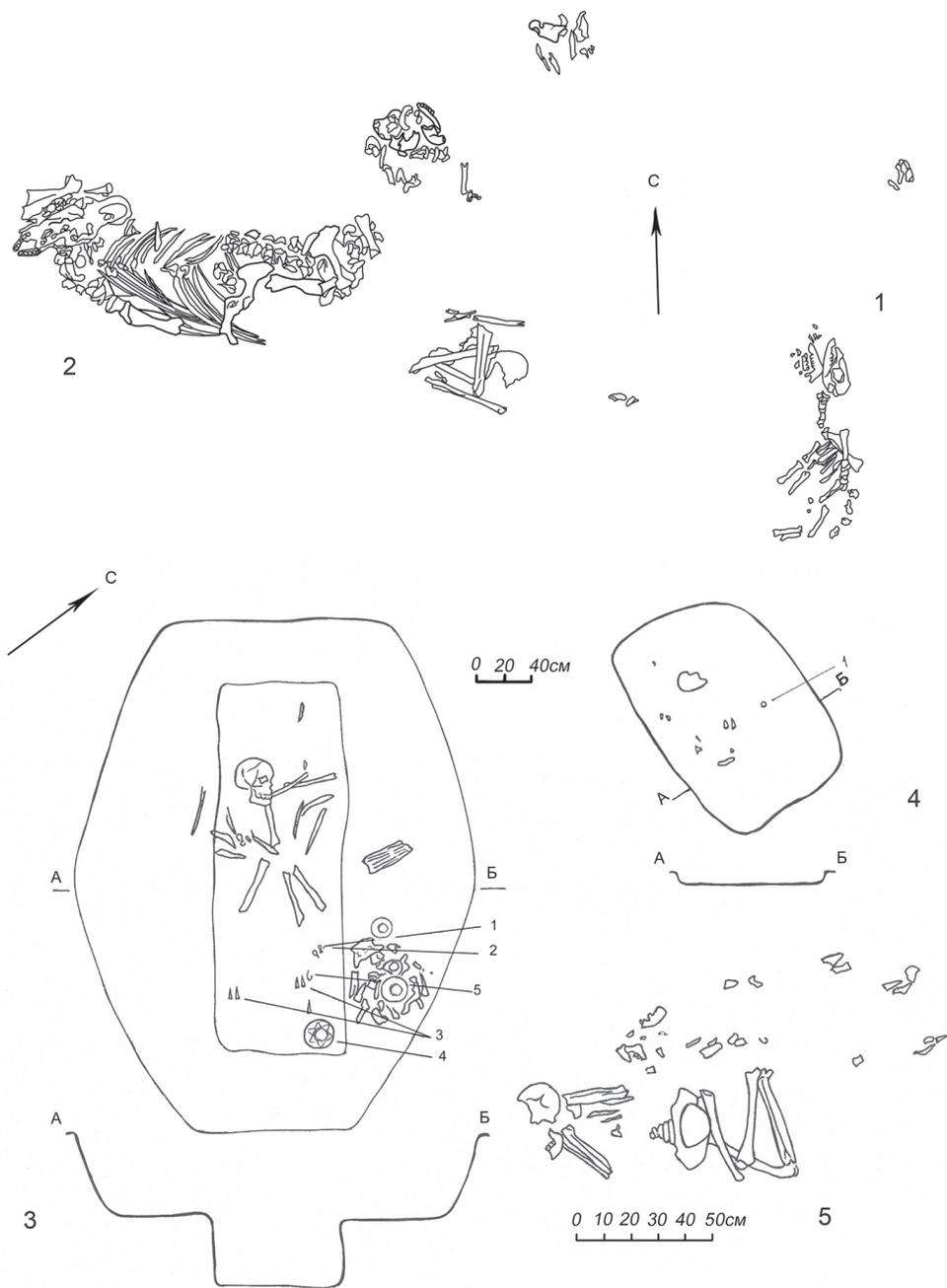

Рис. 6. Планы погребений (3–5) и захоронений животных (1, 2) в Рафайловском кургане:

1 — захоронение телят; 2 — захоронение коня; 3 — погребение 1 (1 — фрагмент клинка; 2 — предметы упряжи; 3 — наконечники стрел; 4 — сосуд; 5 — колчанный крюк); 4 — погребение 2; 5 — погребение 3

Погребение 1 — парное, находилось в центре кургана, выброс из него был сделан на древнюю поверхность по обе длинные стороны. У западного угла могилы был обнаружен полный скелет на правом боку с подогнутыми ногами от сопроводительного захоронения полувзрослой лошади¹ (см. рис. 6, 2). В 2 м от него к востоку и неподалеку от столбовой ямки № 64 стоял маленький сосуд кашинского типа, с бордюрной композицией на шейке (см. рис. 7, 1), рядом были обнаружены два костяных черешковых наконечника стрел (см. рис. 7, 8, 9). Поодаль, в 3 м западнее могилы, с внутренней стороны рва на уровне древней поверхности найдено скопление мелких костей от двух лошадей и двух коров, пятно от большого кострища размером 0,7×1,7 м.

В яме № 66 северо-восточного сектора подкурганной площадки были обнаружены сложенные одна над другой целая каменная стилизованная плита в виде головы барана и зашлифованный прямоугольный обломок такой плиты большего размера (см. рис. 8).

Юго-восточнее центра на древней поверхности найдены голова молодой лошади, а также голова, части ног двух взрослых лошадей, задние и передние ноги четырех коров, кости ягненка и двух взрослых овец. Поскольку в этом скоплении были четыре кости от человеческого скелета, то полагаем, что они выброшены из центральной могилы при ограблении. В 5 м южнее центрального погребения находилось скопление костей от голов и ног трех лошадей, двух коров, двух овец и рядом с ним обнаружен раздавленный саргатский сосуд.

Форма погребения 1 — подромбическая, размеры — 3,8×2,8 м, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Глубина — 1,1 м, заплечики устроены на глубине 0,5 м от поверхности, ниже яма сужается и приобретает правильную прямоугольную форму с размерами по дну 2,7×1 м (см. рис. 6, 3). При ограблении кости скелетов двух мужчин в возрасте 50–60 лет и 40–50 лет и неорнаментированные горшки выброшены в восточный угол вверх на заплечики (см. рис. 7, 14, 15). Нетронутым в юго-восточном углу стоял горшок с резными фестонами на плечиках (см. рис. 7, 16), здесь же найдены три бронзовых втульчатых наконечника стрел (см. рис. 7, 3–5), обломки железных удиц и псалий, некоторые из них чрезвычайно мелкие (см. рис. 7, 10), фрагмент колчанного крючка (см. рис. 7, 7), мелкий фрагмент железного клинка, вероятно, от кинжала, линзовидный в сечении (см. рис. 7, 13). Кроме того, в могиле лежала голова молодой лошади с первым и вторым шейными позвонками.

Погребение по стрелам 18 типа на основании классификации савроматского оружия дистанционного боя К. Ф. Смирнова: со сводчатой головкой, скрытой втулкой, трехгранной формы с опущенными ниже втулки шипами и ложками вдоль граней — может быть отнесено к V — началу III в. до н. э. [Смирнов, 1961, с. 58]. Наличие железных принадлежностей узды и кинжала этой дате не противоречит.

¹ Здесь и далее приведены зоологические определения П. А. Косинцева.

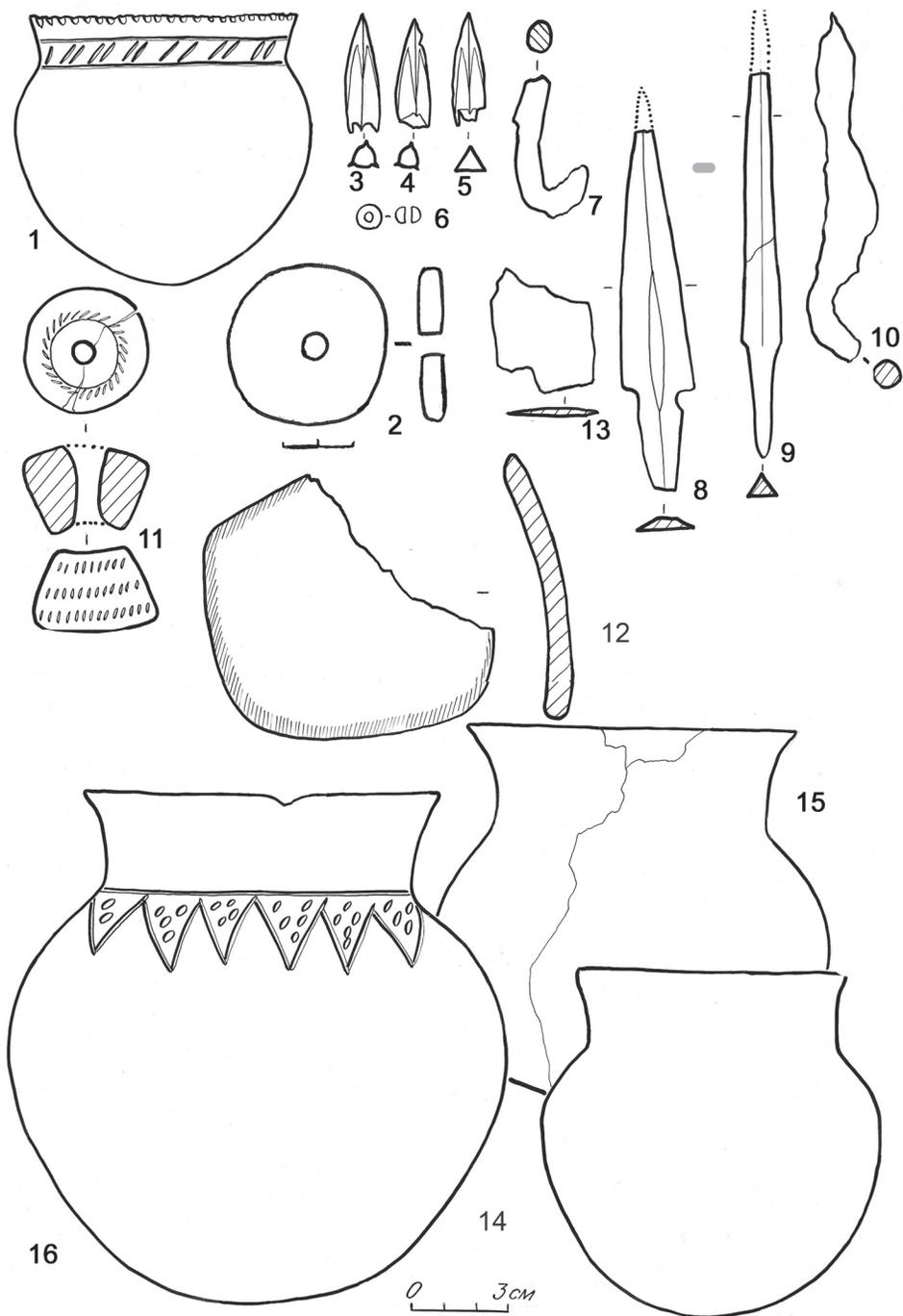

Рис. 7. Инвентарь кургана 1 Рафайловского могильника:

1 — юго-западный сектор, погребенная почва; 2 — у очага жилища; 3-5, 7-10, 13 — погребение 1; 6 — погребение 2; 11, 12 — северо-восточный сектор, насыпь; 14-16 — погребение 1. 3-5 — бронза; 6 — стекло; 7, 10, 13 — железо; остальное — глина

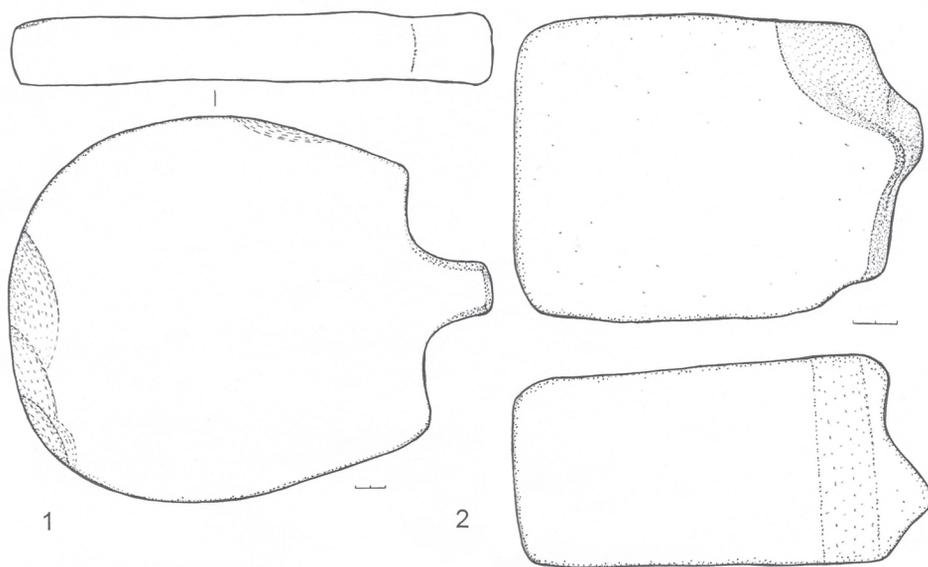

Рис. 8. Каменные плиты из ямы № 66 в Рафайловском кургане

Погребение 2 располагалось к юго-востоку от первого в яме прямоугольной формы и размерами 1,7×1,25 м. Скелет ребенка 1–2 лет был ориентирован по линии СВ–ЮЗ (см. рис. 6, 4). Череп искусственно деформирован, находился у северо-восточной стенки, остальные кости истлели. В погребении 2 найдена только бусина из глухого красного стекла округлая, поперечно сжатая (см. рис. 7, 6), датирующаяся в широких рамках IV в. до н. э. — III в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 63]. Южнее могилы был положен череп овцы. В 2 м к северу от середины стенки ямы погребения 1 и примерно в 3 м от погребения 2 в овальной яме № 65 найдено захоронение двух телят: новорожденного и в возрасте 2–3 месяцев (см. рис. 6, 1). Предполагаем, что оно соотносится с детским погребением, так как рядом с центральным погребением двух взрослых людей были найдены вышеописанные два отдельных жертвоприношения взрослых животных.

Погребение 3 обнаружилось на глубине –120 см от условного нуля в юго-восточной части заполнения рва и находилось на одной линии с предшествующими. Кости женщины 25–30 лет были в анатомическом порядке. Она положена в скорченном положении лежа на спине головой на запад, с согнутыми в локтях руками, причем кисти находились у подбородка, ноги подогнуты вправо и поджаты под подвздошными костями (см. рис. 6, 5). Поза покойной указывает на то, что она была связана в сидячем положении. По левую сторону от ее скелета находилась россыпь костей животных: зубы лошади, мелкие трубчатые кости, явно пищевые отбросы. Других находок не обнаружено.

Кострище размером 1,8×0,5 м с прокалом в 4 см находилось в непосредственной близости от могилы 3 восточнее ее снаружи от внешней границы рва. К западу от погребения 3 зафиксирована ямка № 63 от столба. В заполнении погребения 3 не было мешаной земли, тонкая прослойка насыпного слоя перекрывала захоронение, что позволяет считать, что человек был брошен на дно рва спустя непродолжительное время после совершения захоронений на площадке кургана, еще до оплывания насыпи.

Интересно, что у всех могил были жертвоприношения животных, совершенные на площадках с вкопанными там столбами, рядом оставляли использовавшиеся в обряде сосуды. Примечательным можно считать и расположение следов ритуалов относительно центральной могилы к западу, северу и югу, значительное количество жертвенных животных для кургана средних размеров.

В целом курган датируем IV в. до н. э., позднее становятся характерными железные черешковые наконечники стрел.

Комплекс из каменных плит, одна сторона которых оформлена в виде стилизованной морды барана, обычно соотносимых с гороховской культурой, в данном случае находится в саргатском кургане, в котором гороховских сосудов не было. Поэтому можно относить его к гороховскому поселку и усматривать в этих остатках следы каких-то ритуалов, а можно ввиду весьма стилизованного характера этих изделий рассматривать их как редуцированную гороховскую традицию, воспринятую саргатскими мигрантами на территорию Притоболья, что мы предполагали ранее [Матвеева, 1993а, с. 115].

Остатки ранней застройки в раскопе 7 следует относить к концу V — началу IV в. до н. э.

Черепки саргатских сосудов в перестроенном жилище 10 с включениями кашинских обломков в таких же крупных размерах, как первые, говорят о максимальной площади заселения останца террасы уже в ранний период появления саргатского населения на этом месте и одновременном обживании собственно крепости и не защищенных участков за ее стенами. К сожалению, датировки по углю и древесине получены с других раскопов на памятнике [Матвеева и др., 2005, с. 90–91], из раскопа 7 проб не было отобрано, но имеющиеся данные указывают на использование городища саргатским населением в течение всего периода существования культуры в Притоболье с некоторыми перерывами. Однако распределение кашинской керамики по постройкам и глубинам культурного слоя на самом городище в раскопах 1 и 6 демонстрирует ее связь с поздними эпизодами эксплуатации оборонительных сооружений, в которых она залегала крупными развалами [Там же, с. 82, 86]. Обратившись к материалам Рафайловского кургана, видим, что кашинский сосуд, поставленный рядом со скелетом лошади, маркирует появление кашинского населения на городище также IV в. до н. э. Распределение кашинской керамики в раскопе 3 на селище

также дает ранние даты появлению этого культурного комплекса [Юдакова, 2018, с. 145].

Основные черты памятников кашинского типа, намеченные В. Д. Викторовой, а именно: каркасные жилища с длинными коридорами и хозяйственными пристройками; посуда с примесью дресвы и слюды в тесте, с прямой резко отогнутой наружу шейкой, с декором крупнозубым гребенчатым штампом из зигзагов и столбиков, ограниченным сверху и снизу горизонтальными линиями [Викторова, Кернер, 1988, с. 133–134], в IV в. до н. э. уже видны. Авторы публикации эпонимного поселения считают кашинские памятники возникшими под влиянием саргатских (используя старое наименование «речкинских») во второй половине I тыс. до н. э., указывая на синкретическую композицию узора сосуда из Макушинского кургана. Однако появление шнуровых узоров они считают более поздним явлением и относят его к концу раннего железного века — первой половине I тыс. н. э., выделяя в особый прыговский тип, хотя данных по относительной хронологии этих двух орнаментальных стилей на Кашинском селище и Юдинском городище не имелось [Там же, с. 135, 139]. И. Ю. Чикуновой проделан анализ довольно существенной новой источниковой базы этого вопроса и показана одновременность существования гребенчатого и шнурового способов декорирования на керамике кашинской культуры [Чикунова, 2005, с. 82]. То, что кашинские комплексы появляются не позднее IV в. до н. э., подтверждает датировка поселения Старый Погост [Могильников, 1988, с. 247] и рассмотренный здесь Рафайловский курган.

Шнуровая «прыговская» техника декорирования существует параллельно с гребенчатой, применяется к сосудам одинаковых форм и технологии лепки, как было показано в публикациях ряда исследователей [Культура зауральских скотоводов... , 1997, с. 77; Шарапова, 1999, с. 147; Пантелеева, 2003; Чикунова, 2005, с. 85–86], поэтому нет оснований разводить их во времени и пространстве. Обратившись к анализу распределения кашинской керамики в раскопах 2, 3 и 5 на селище Рафайловского городища, еще раз это подтвердила В. С. Юдакова [2018, с. 145].

Вопрос о том, в каких отношениях находились с саргатскими насельниками эти поселенцы, может обсуждаться по распределению керамики разных типов на всех раскопах Рафайловских селища и городища, анализ которых предстоит выполнить, тем более, что есть данные о неоднократных эпизодах оставления поселения и возобновления на нем жизни в рамках раннего железного века. Возможно, мы сумеем получить данные о борьбе за территории и о заимствовании элементов культуры одних поселенцев другими. По данным раскопок кургана 2 Абатского-3 могильника на р. Ишиме, где кашинские грунтовые могилы располагались во рву на периферии саргатского многомогильного кургана, получены оригинальные материалы иерархического подчинения кашинского населения саргатскому в поздний

период их совместной истории — около IV в. н. э. [Матвеева, 1994, с. 136]. Исходя из имеющихся сегодня материалов, можно говорить о длительном взаимодействии в течение всего пребывания в Притоболье саргатского населения с кашинским, упорно сохранявшим свое культурное своеобразие в гончарстве и погребальном обряде.

Как нам кажется, материалы Рафайловского кургана наряду с павлиновскими снимают вопрос о «саргатско-гороховском этапе» или «саргатско-гороховском историко-культурном горизонте», как это трактуют Л. Н. Корякова [1991, с. 33–34] и С. Г. Боталов [2016, с. 473]. Мы видим в них подтверждение смены одного населения другим на одних и тех же местах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // Свод археологических источников. — М.: Наука, 1975. — Вып. Г1-12. — Ч. 1. — 120 с.
2. Берлина, С. В. Жилая и оборонительная архитектура населения западно-сибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Берлина. — Тюмень, 2010. — 18 с.
3. Боталов, С. Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и Средневековья лесостепного Зауралья / С. Г. Боталов // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь (проблемы культурогенеза). — Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. — С. 468–541. — (Сер. «Этногенез уральских народов»).
4. Викторова, В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Д. Викторова. — Свердловск, 1969. — 20 с.
5. Викторова, В. Д. Памятники эпохи железа у озера Осинового / В. Д. Викторова, В. Ф. Кернер // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 129–140.
6. Корякова, Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века): препринт / Л. Н. Корякова. — Екатеринбург, 1991. — 53 с.
7. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. — 180 с.
8. Матвеева, Н. П. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье / Н. П. Матвеева // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. — С. 148–164.
9. Матвеева, Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе / Н. П. Матвеева. — Новосибирск: Наука, 1993а. — 175 с.

10. Матвеева, Н. П. Рафайловское городище — памятник саргатской культуры Среднего Притоболья / Н. П. Матвеева // Российская археология. — 1993б. — № 1. — С. 148–163.
11. Матвеева, Н. П. Ранний железный век Приишимья / Н. П. Матвеева. — Новосибирск: Наука, 1994. — 152 с.
12. Матвеева, Н. П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке / Н. П. Матвеева // Российская археология. — № 2. — 1997. — С. 63–77.
13. Матвеева, Н. П. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири / Н. П. Матвеева [и др.]. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — 229 с.
14. Матвеева, Н. П. Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) / Н. П. Матвеева // Российская археология. — 2017. — № 4. — С. 3–20.
15. Матвеева, Н. П. Курганы — пирамиды раннего железного века Западной Сибири / Н. П. Матвеева. В печати.
16. Могильников, В. А. Работы Алтайской экспедиции / В. А. Могильников // Археологические открытия 1986 г. — М.: Наука, 1988. — С. 247–248.
17. Пантелеева, С. Е. Исследование распределения в слое керамики Павлинова городища / С. Е. Пантелеева // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. — Вып. 2. — С. 156–159.
18. Смирнов, К. Ф. Вооружение савроматов / К. Ф. Смирнов. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 161 с.
19. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. / Л. Н. Корякова [и др.]. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. — 298 с.
20. Стоянов, В. Е. Некоторые аспекты социально-экономической организации населения зауральско-западносибирской лесостепи / В. Е. Стоянов // Вопросы археологии Урала. — 1977. — Вып. 14. — С. 152–159.
21. Чикунова, И. Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры / И. Ю. Чикунова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 2005. — Вып. 6. — С. 82–91.
22. Чикунова, И. Ю. Хозяйство и быт населения саргатской культуры Притоболья (к реконструкции хозяйственно-культурного типа): дис. ... канд. ист. наук / И. Ю. Чикунова. — Тюмень, 2006.
23. Шарапова, С. В. Керамика и основные орнаментальные стили раннего железного века зауральской лесостепи / С. В. Шарапова // XIV Уральское археологическое совещание: тезисы докл. — Челябинск, 1999. — С. 146–148.
24. Юдакова, В. С. Распределение керамики кашинского типа по материалам изучения Рафайловского городища / В. С. Юдакова // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы Рос. археолого-этнограф. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2018. — С. 144–145.